

Чем быстрее приближалось 31 декабря, тем быстрее разгонялось мельтешение вокруг: проходы в магазинах были полны людей с нагруженными тележками, в парикмахерских круглый день виднелись остригаемые головы, за окнами домов – по обе стороны – появлялись гирлянды, елки.

Видела у знакомой в соцсети чек-лист: список дел, которые нужно проверить до 31 декабря, чтобы встретить Новый год без забот, он состоял сплошь из слов типа «помыть», «вычистить», «полить», «вытереть», «разобрать» и «выбросить»...

Вот что я, оказывается, делала все то время – готовилась к Новому году!

На самом деле, в конце декабря мой брат Валя возвращался из армии, все эти «вычистить», «вытереть», «выбросить» в нашем доме были ради него, и мне просто казалось, что все вокруг почему-то готовится к встрече моего брата.

Девушка, простите, вы кто?

Женщина, зачем вам елка?

Нет-нет, мужчина, мы не планируем это готовить!

Я набрела на спектакль «Как я съел собаку» Гришковца как раз накануне прихода Вали из армии. Это была та случайная, но такая уместная находка, которую смотришь, слушаешь, читаешь и удивляешься ее совпадению с твоей жизнью именно сейчас. В этом спектакле было неожиданно так много близких мне слов: Евгений говорит о себе, а я вижу Валу, Евге-

ний говорит о далеком Владивостоке, а я вижу город службы брата – Питер, он про корабли, а я вспоминаю угловатые бэтээрки, в чужом городе мне виделся Омск, в чужой матери – моя мама.

Я останавливала долгую запись спектакля дважды и все никак не могла досмотреть до конца, вернуться вместе с героем Гришковца домой со службы.

И все время была одна и та же мысль, все время: «Я хочу домой!». «Я хочу домой», «я хочу домой», даже без «я», просто «хочу домой», «хочу домой», «хочу домой». Я хотел есть и хотел домой, хотел пить и хотел домой, хотел спать и хотел домой, я засыпал: «хочу домой», «хочу домой», просыпался: «хочу домой»... все очень хотели домой, все ребята очень хотели домой, они хотели даже в такие дома, куда хотеть невозможно, куда нельзя хотеть.

Но наш дом становился все чище, уютнее, мне стало казаться, что в него даже можно хотеть.

Валя не говорил нам, что скучает по дому, что хочет домой. Он не жаловался, рассказывал смешные случаи, о сложных ситуациях упоминал вскользь и никогда ничего не сообщал о страшных. Это было как в стихотворении Ивана Ахметьева «Миша в дурдоме».

Валя исхудал, часто простывал и кашлял, просил скинуть денег на поход в «Чайную», а остальное обещал – «дома».

И дома ждали.

Мама покупала и покупала посуду, не ведя никакого списка купленного, не имея никакого представления о количестве ожидаемых гостей: тарелки разной глубины и различного вида, стаканы прозрачные, стаканы с рисунками, кружки чайные... Она купила столько чайных кружек, словно ждала не только сына, но и всю его роту.

Мамино волнение то росло, то устало прижималось к земле, оборачивалось раздражительностью, бессонницей, шопоголизмом. Словно бы каждой покупкой она говорила себе: «Я жду, я готова. Готова. Готова!»

Сколько бы я ни убеждала маму купить продукты накануне, а не заранее, холодильник постепенно заполнился сыром, колбасой, замороженными куриными тушками, фруктами.

– Сейчас на них акция, надо брать. Осталась пара недель. Осталась неделя. В эту пятницу ведь уже!

Было закуплено несколько связок бананов и несколько килограммов груш.

– Бананы еще зеленые, а груши выбрала самые плотные, камень! Долежат!

И они лежали. Все лежало, растолканное по шкафам и полкам.

Мы принесли от соседей большой стол-книжку советских времен, полированный, темный, со шкафчиками по бокам (у нас такой был свой когда-то, но потом поводы для прихода гостей стали поводами найти место встречи вне дома). Мне позволили добавить лампочек в люстре большой комнаты, чтобы стало на день светлее.

Мама еще летом купила новую большую скатерть, потом еще одну, потом еще – она не знала заранее, какого размера будет соседский стол, даже не знала еще тогда, у кого мы будем стол брать, и покупала на всякий в прямом смысле случаев.

Но ни одна из купленных скатертей не подошла. Пришлось измерить стол и купить клеенку по метражу, чтобы точно.

Я отмыла кафель в ванной и туалете, оттерла старой зубной щеткой белые пластиковые плитку-са, папа закрыл пространство под ванной красивыми панелями... Мы еще хотели поменять выключатели на новые (старые перестали срабатывать с первого раза), но у папы к середине декабря разболелась нога, и старые выключатели остались с нами.

Папа не мог больше готовиться к приходу сына физически, но продолжил морально.

Оказывается, он написал настоящую застольную речь, в блокноте (столбиком), красной гелевой ручкой. Я узнала об этом, когда он показал мне ее

текст, написанный его фирменными печатными буквами, и попросил ее отредактировать.

Папа хотел сказать в нужный момент что-то непременно сильное, потому что эмоции его были сильными, и выразить их в момент речи можно было как нельзя кстати. (В другой момент – сможешь ли, и будет ли этот момент, а тут взял рюмку, встал, и пути назад нет, ни у слушателей, ни у тебя.)

– Это чтобы не сбиться, чтобы не путались мысли.

А ты у нас писатель. А если по бумажке прочту, это как, ничего будет?

Я прочла, речь сводилась к тому, что брата забрали, мы ждали его и он вернулся. Как ждали, о чем думали, благодаря чему, каким качествам и способностям, как нам кажется, он вернулся – ничего этого в речи не было. Но ведь на самом деле было.

Речь была осторожной и официальной, в местах, где должны были проступить эмоции, она уходила в юмор и пафос.

Год назад мы проводили

нашего

призывника

Служба в армии для молодого человека это серьезный отрезок

его жизни требующий от него некоторых физических способностей и морально-психологич. качеств

И надо эти способности

в себе найти и достать

их из глубин тела и коры головного мозга

С чем наш мол. человек

с успехом справился благо-

даря некоторым своим

способностям. И нашей

скромной посильной поддержке

и помощи и устойчивой

отовой связи и почты России

Преодолев этот временной отрезок он вернулся

к нам мужчиной

Я попросила папу написать все немного честнее, написать больше не про нас, которые ждали, а про Валю, который молодец и которого мы любим, попросила папу сильнее похвалить сына, быть конкретнее, проще. Вторую, чистовую версию речи я не слышала до застолья.

– Неужели неделя осталась? – повторяла мама тихо, и ее лицо краснело, а губы сжимались.

Я пыталась поднять беседу повыше, улыбалась:

– Да уж, быстро время пролетело, да?

– Не скажи. Я все думала, думала тогда, когда только забрали. Первую неделю вообще не спала.

Однажды, за пару недель до дембеля, Валя позвонил папе, и (со слов папы) сказал ему, что стал теперь другим человеком, что разногласия все позади, все изменится, что он придет и все съедут вместе за стол...

Я не слышала того, что сказал папа после этих пересказанных слов.

Как можно сесть за общий стол семье, которой нет? Внутри меня что-то екнуло и зачатило – от соединения сильного «хочу», невероятно сильного «хочу» и ледящего «невозможно». Как собрать пазлы? Как сделать слова брата явью хотя бы на один день?

И я попала в дурдом Ахметьева вместе с Мишей.

Надо сказать, что обиды моих родителей не бесчувственны, не бесчеловечны. Иногда, во времена сильных, больших потрясений, они делают шаг в сторону, чтобы мы могли объединиться и пережить момент. Обычно для подобного были грустные поводы. Родители начинали разговаривать, по делу, совсем разучившись это делать, восстановив только тихие просьбы: «сходи», «купи», «найди», «позвони, закажи». Когда после повода проходило несколько дней и «раны затягивались», родители снова забывали все общие слова.

Хороший повод объединиться (настолько хороший), повод заговорить – не стать семьей, нет, просто обменяться бытовыми фразами на спокойной ноте, – выпал впервые. За долгое время впервые. И мне очень хотелось этого новогоднего чуда – семьи.

Я побеседовала с мамой, побеседовала с папой. Компромисс был найден: с папы – бутылка хорошей водки, бутылка минералки и какая-нибудь нарезка. Все удивительно мирно сошлись на этом, и началось ожидание.

Начался бег по магазинам со списком, в котором был стандартный набор (мандарины, все на «шубу», хлеб на бутерброды) и то, что было заказано из Питера (мне в сообщении Валя помечтал о крабовом салате, маме он намекнул на голубцы, папе сказал о фруктах).

– Он просто хочет домой, – стало нам всем очевидно, хочет домой и представляет дом во всем возможном обилии, во всех приятных ассоциациях.

Накануне прихода поезда мы поставили и нарядили елку. Новый год, Новый год настанет 20 декабря, в 17:20 (нет, от вокзала до нашей улицы Бархатовой примерно час, так что где-то в 19:00)!

Мама весь прошлый год жила у Вали в комнате (она храпит, и я, используя возможность выспаться, попросила ее временно переехать). Накануне

его приезда (за неделю до) она постирала постель, сложила ее стопкой и спала просто на покрывале, так, словно готовилась подскочить и выбежать в прихожую в любой момент. Мне кажется, если бы у нее было куда уехать, она оставила бы вычищенную квартиру в полной готовности к встрече и уехала куда-то до нужного дня.

Она тоже была в стихотворении, но виду не подавала.

Спектакль Гришковца про собаку не отпускал меня: я несколько раз была вынуждена прервать запись, но мне не терпелось узнать, чем же закончилась служба Евгения, хотелось пережить с ним возвращение, подготовиться к тому, что случится в моем доме скоро. Ведь спектакль говорит такими близкими, понятными словами, что я верила – рассказ Гришковца и правда меня подготовит, эмоции будут похожими.

Я смогла дослушать спектакль вечером 17 декабря, времени на моральную подготовку у меня было мало. Я включила запись и вдруг обнаружила, что она сделана не до конца, у нее нет финала. Это было странно... Символично, знаково, интересно... Но тогда я этого не понимала и обшарила весь интернет в поисках полной версии.

Нашла видеоспектакль 2016 года. Оказалось, что версий истории про собаку множество (разных лет), и в каждой из них в целом одна и та же история рассказывается совсем разными словами. В одной из версий спектакля так:

Я отчетливо помню свое последнее утро службы на флоте, я его так ждал, я его ждал так, как ничего никогда в жизни не ждал, и не дай бог, я не хочу, не хочу я, не дай бог, мне опять чего-нибудь так ждать, как я ждал того утра, я же его ждал, ни одной другой мысли не было, я зачеркивал дни в календариках (у меня же были календарики, я зачеркивал). Это было какое-то даже интимное наслаждение – дожидаться вечера и перед сном или перед важной ночной взять календарик, уединиться (что было трудно, на корабле уединиться) и в одиночку, только в одиночку, зачеркнуть день прослуженной безвозвратно жизни.

Я зачеркивал эти дни, один, другой, третий, неделя, другая, третья, месяц, другой, третий, год, другой, третий.

Я ждал этого утра, и я знал, чего я жду.

Я услышала это поздно вечером, зная, что в этот конкретный момент мой брат с другими такими же мальчиками делит прощальный торт (Валя прислал

мне селфи на фоне белого крема и желированного киви), зная, что это самое желанное утро, последнее утро службы, наступит для моего брата завтра.

(Для него – завтра, а мы с Евгением уже все знаем. Или нам кажется, что мы что-то про Валу знаем. А знаем ли, мы не узнаем никогда.)

В инстаграме у Валиной девушки Лизы обнулится счетчик.

Бананы пожелтели и почернели: не дождалась.

Груши тоже не дождалась: обмякли, кожица на боках у них лопнула и засочилась мякоть, «каменные» груши скусились и завяли.

А нам, всем родным, повезло.

В 9:07 по питерскому Валя прислал селфи – он в гражданском, а рядом парень в форме.

В 12:16 – прислал фотографию билета Санкт-Петербург – Омск на 014-е место десятого вагона (за 5894,9 рубля).

– Сухпай дали? – спросила я в соцсети.

А потом как-то сразу наступило двадцатое число.

Такого масштабного праздника я в нашем доме не помню.

Я никогда не перетирала такое количество стаканов и тарелок, никогда не тащила по подъезду от соседей столько стульев и табуреток.

Мама никогда не готовила в таких масштабах картошку с курицей и такое количество голубцов (от волнения и отсутствия опыта она то пекла их в духовке, то тушила в скороварке, и все равно «запорола»).

Папа давно не проводил столько времени в зале – зал много лет был для него проходной комнатой.

Я поехала на вокзал на такси, единственный представитель семьи со здоровыми ногами, не трясущийся над картошкой.

Поезд № 14 подлетел к четвертому пути стремительно, мы – огромная любящая приехавшего толпа – бросились за нужным вагоном, потому что не могли допустить, чтобы Валя вышел к пустому перрону.

И не было вот этого: «Из вагона шагнул совсем другой человек, высокий и статный», нет, он был такого же роста и такой же родной. Да, он был в форме, и форма была единственной новой деталью. Для пушего впечатления Валя вышел из вагона без теплой куртки, только в той, на которой были криво наклеены шевроны, а на спине виднелась надпись «Росгвардия», в тонких брюках и красном берете.

Да, форма была измята, но производила впечатление. А более всего впечатлял берет, даже не красный, а такого сложного цвета, взявшего что-то от вишни и от борща. Берет впечатлял потому, что прежде мы видели Валу во всем, кроме этого:

в ушанке и балаклаве, в шлеме и кепке, но чтобы в берете, красной тарелке с черным кантом и значками, такого не было.

Валя был родной, а берет совсем непривычным, и вместе они были именно тем, кого мы ждали – родного, но изменившегося, повзрослевшего, высокого, статного.

Лиза и Валя обхватили друг друга. Я получила объятия третьей. Кто был вторым? Не запомнилось.

Домой ехали на двух машинах:

– Вы только без нас не входите!

– А вы без нас!

Мама обняла Валу с улыбкой, а папа заплакал.

Валя не плакал, и что именно он чувствовал, никто не знал. Гришковец позволил заглянуть в голову вернувшемуся со службы, да, но головы-то у всех разные, свои.

– Садись со мной, – пригласил папа Валу и буквально сразу взял слово, – имею сказать пару слов!

Я опустила глаза на тарелку с салатом, зажевала губу.

Папа начал очень тихо и быстро, на слове «любимого» посмотрел на Лизу:

*Сегодня светлый и радостный день
Мы встречаем сына, брата друга
любимого.*

*Провожая нашего призывника
Мы испытывали чувство тревоги
и настороженности
Ведь служба вдали от дома это
сложное испытание.*

*Но наш сын справился. Благодаря
серьезной физической подготовке.
Доброму, коммуникабельному
характеру, веселому нраву
открытой душе. Год службы
позади он останется в памяти
навсегда Друзья сослуживцы
командиры, нелегкие армейские будни не забыть
Мы поздравляем сыночек тебя с возвращением домой
Добро пожаловать Ура*

И все захлопали. И до конца вечера не произошло ничего страшного: никто не рассорился, не заспорил до драки, не поранился, не обиделся.

Выпив водки, Валя раскраснелся (только по краям лба шли две белые полосы вверх), стал рассказывать смешное со службы, а папа мягко ругал его за маты.

– По-другому не расскажешь тут, – поясняли ему Валя и отец Лизы, дядя Коля.

Но папа все равно после каждого крепкого слова мотал головой, цыкал и играючи стучал Вале по макушке.

Было душно, сыто, спокойно – все уже случилось.

Утром я вышла на улицу с абсолютно непоколебимым ощущением первого января. Я прошлась вдоль дома, прогулялась до магазина. С неба падали обрывки белой нежной бумаги, пахло свежестью, снегом, землей, влажной корой и как будто хвоей. Солнце висело на тополях. По светлым стволам и сугробам прыгали зайчики – пятна белого и желтого света. Где-то кричали невидимые дети.

И мне тоже хотелось кричать – звонко, легко, прерываясь смехом, подкидывать комья свежего снега. У меня все еще была семья. После праздничного вечера еще ничего не оборвалось, все было. У меня все было, было все и все были мои.

Когда на обратном пути я свернула в свой двор, мне навстречу вышел молодой парень в форме (она была какой-то такой, зеленого цвета, ни названия, ни звания для нее я не знаю), и кто-то позади меня, к кому этот парень шел, вдруг его увидел:

– Идет солдат по городу! – пропел звонкий мужской голос и зашелся смехом.

Я прошла во двор, а где-то позади меня случилась встреча двух молодых людей, с объятиями и похлопываниями (я слышала эти короткие, крепкие хлопки). А у меня в голове заело:

Идет солдат по городу, по незнакомой улице...

Я поднялась в подъезд, держа песню во рту. Тихо мыча ее, разулась, переоделась.

И от улыбок девичьих вся улица светла...

Зайдя на кухню и поставив чайник, я прибавила к мычанию притопывание правой ноги.

*Идет солдат по городу, по незнакомой улице,
И от улыбок де-е-евичьих вся у-ли-ца светла.
Не обижайтесь, девушки, но для солдата главное,
Чтобы его да-а-алекая, лю-би-мая ждала...*

Под шипение на плите чайника я промычала припев песни с самого начала, громче.

И разрыдалась.

